



Артистка С. А. ЗИМА в роли Пашки КВАСОВОЙ.

Наталья БАЛАШОВА



АФИША ПРИМОРЦЕВ

УЖЕ ДАВНО СТАЛО доброй традицией показывать на сцене Кремлевского театра спектакли лучших коллективов страны.

В нынешнем году эта честь была предоставлена Владивостокскому краевому драматическому театру имени Горького.

«Хлеб» В. Киршона и инсценировка романа А. Васильева «Вопросов больше нет», «Первая Конная» Вс. Вишневого и пьеса дальневосточного автора Г. Халилецкого «Шторы 8 баллов», «В день свадьбы» В. Розова и искометная «Собака на сене» Лопе де Вега — такова афиша приморцев, говорящая о том, что при своем многообразии она исключает элемент случайности, погону за «кассовой», угождение быстропроходящей моде.

«Хлеб» В. Киршона. Наверное, потому, что в этой пьесе отражены события почти сорокалетней давности, история, ставшая достойным учебника, «Хлеб» В. Киршона до постановки во владивостокском театре так и не получил своего второго рождения. Режиссер Н. Басин и весь коллектив владивостокцев увидели в произведении то, о чем нужно и важно говорить сегодня. Прежде всего это роль партии в направлении и руководстве всей жизнью нашей страны. Там, где трудно, там, где требуются железная воля и ясная мысль, там, где сердца должны гореть, а если надо, и сгорать во имя идей коммунизма и на благо народа, там впереди должны быть коммунисты. «Коммунисты — вперед!» — недаром именно эти слова звучат первыми в коротком поэтическом прологе к спектаклю, который как бы перекидывает мостик между нами, сидящими сегодня в зрительном зале, и теми, кто предстанет сейчас на сцене.

Два мира, два лагеря сталкиваются в этом спектакле в непримиримой борьбе — коммунисты во главе с секретарем окружкома Михайловым (Е. Шальников), ведущие борьбу за хлеб, и кулачье, группировавшееся вокруг богача Квасова (Г. Антошенков, Н. Михеев). И здесь прежде всего хочется отметить массовые сцены спектакля, напряженный ритм которых обостряет конфликт, идет, нарастая от картины к картине, выливаясь в финале в остродраматическую открытую схватку, заканчивающуюся гибелью Михайлова от пули Пашки — дочери кулака Квасова.

Мне могут возразить. Автор пьесы не предусматривал гибели Михайлова от кулацкой пули. Да, это так. Но театру была нужна эта гибель как финальная точка в борьбе двух лагерей, борьбе, достигшей своего беспощадного апогея в сцене ночной кулацкой обложки, была нужна, чтобы последним штрихом завершить обрисовку двух образов: героического образа самого Михайлова (подняв центральную фигуру спектакля до обобщения, до символа) и трагического образа Пашки, смятенной, опутанной ложью. Театр при этом не погрешил против авторского замысла. Выстрел звучит в момент, когда схваченные и обезоруженные кулаки уже стоят перед лицом своей односельчан. И тогда заключительный слог совершенно раненого Михайлова: «Нас, Михайловых, много, нас не сожжешь и не уничтожишь», — обращенные непосредственно в зал, обретают поистине символический смысл, поднимая пафос спектакля до высот подлинно народной трагедии.

В этой способности и стремлении увидеть и поднять конкретный факт до обобщения, до символа, в движениях художественной мысли всегда от частного к общему — сила и своеобразие таланта режиссера Н. Басина, тяготеющего к

произведениям большого героико-роматического звучания, мастера экспрессивных, выразительных, скульптурно законченных массовых сцен.

И притом каждая пьеса решается им в своем, наиболее близком, наиболее точно отвечающем стилистике самого автора ключе. В этом тоже сказывается басинский «почерк».

Никакой погони за «модой», никакого искусственного «осовременивания» произведения, никаких постановочных ухищрений, если избранная режиссером форма не продиктована материалом самой пьесы, мыслью самого драматурга.

Мысль автора — мысль режиссера. Вот главное, что определяет и выбор театром пьесы, и ее сценическое воплощение.

Вот почему так сочны и яркие образы даже безымянных крестьян в «Хлебе», так достоверны декорации, изображающие деревенскую улицу, избу и двор Квасова (художник Б. Локтин). И в полном соответствии с точностью и достоверностью окружающей их обстановки живут в этом спектакле беспощадный фанатичный Квасов Г. Антошенкова и Н. Михеева, осторожный, с лисей ухваткой Котихин А. Присяжнюка, горячая, по-детски прямолинейная Зотова Л. Сороки, неумный, отчаянный Колька Романов В. Ильина, вконец растерянный Дедов С. Королева — отличные актерские работы.

Но есть среди них одна, которую следует отметить особо, — С. Зима в роли Пашки Квасовой. С. Зима создает на редкость сложный, многогранный, острохарактерный и трагический в то же время образ недоброй, замкнутой, доходящей до крайностей в своих страстях одинокой девушки, в силу своей темноты становящейся страшным орудием в руках врагов Советской власти. И так же, как необходим театру выстрел Пашки для завершения образа Михайлова, так он становится необходимым для последней точки и в обрисовке образа самой Пашки.

К сожалению, есть в этом отличном в целом спектакле картины и образы, вызывающие досадное чувство неудовлетворенности. Это две первые картины спектакля (кабинет Михайлова в городе), растянутые, вялые ритмически; это образы жены Михайлова Ольги (Г. Данильченко) и Раевского (А. Берман) — человека, поставившего личные интересы выше интересов партии и неизбежно терпящего жестокое поражение, — образы, сыгранные актерами односторонне, прямолинейно.

А для спектакля по пьесе Вс. Вишневого «Первая Конная» Н. Басин находит свой символический и в то же время конкретно-зримый образ — пятиконечную звезду. В форме пятиконечной красноармейской звезды здесь сделан наклонный стенок, легко и быстро трансформирующийся то в казарму, то в окопы, то в интерьер крестьянской избы, то в ровное поле (художник Е. Пыжов). Каплей крови заалевает эта звезда, высвеченная багряным лучом на буденовке убитого юности командира, осенит в последний миг его жизни распятого белополяками матроса, ее торопливо нарисует мелом на стальном боку бронепоезда молодой красноармеец, пятиконечную звезду образуют на земле распростертые тела пяти расстрелянных буденовцев.

...Вот они стоят на пригорке — босые, в рваных нательных рубахах, солдатских штанах, покрытых пылью и кровью, стоят плечом к плечу, с вызовом, гневом, ненавистью глядя в лицо беснующемуся перед ними офицеру. Негромко, но страстно звучит «Интернационал». И чем ближе их конец, тем громче поют

они. А в последнюю секунду, обхватив за плечи друг друга, они образуют кольцо — спиной к своим мучителям, глаза в глаза друг другу. И когда выстрел за выстрелом срывает их, они падают мертвые, образуя на земле пятиконечную звезду. Великолепная режиссерская находка!

В «Первой Конной» театр волнует тема становления героического характера, пробуждения в темных, заморозанных солдатах царской армии сознательных революционных борцов. Бережно, скрупулезно отбирает режиссер в огромной по объему пьесе Вс. Вишневого эпизод за эпизодом, чтобы выстроить на наших глазах историю нескольких человеческих жизней — солдата Сысоева (Е. Шальников), комитетчика (П. Попов), флегматичного матроса, проходящего путь от анархиста до большевика (В. Мьяк), молодого командира (В. Гинзбург). Яркий, эмоционально насыщенный, темпераментный спектакль идет будто на одном дыхании — от своеобразной заставки (парад замуртованных до отупения солдат царской армии) до символического финала: застыли в скульптурных группах словно высеченные из гранита красноармейцы, идущие в бессмертие, а потом двинулись разом к рампе, где уже выстроились сегодняшние солдаты — сыновья и внуки тех, вчерашних. Так снова находит театр связь прошлого с настоящим, передает своим спектаклем эстафету грядущим поколениям.

А вслед за героикой и романтикой революции, за коммунистами двадцатых годов — наши современники в инсценировке романа А. Васильева «Вопросов больше нет», в драме «Шторы 8 баллов» Г. Халилецкого, в пьесе В. Розова «В день

Густо насыщенный бытом спектакль. Сценическая площадка, словно нарочно загроможденная «всамделишными» домом, сараем, сеновалом, погребом, скамейками, забором, какой-то мебелью, вынесенной из дома. Быт, быт, быт. И начинается казаться, будто действительно нечем дышать в этом тесном мешанском мире, все помыслы обитателей которого направлены на устройство собственного ничтожного благополучия. И как самое яркое воплощение этого мира — Николай Н. Михеева, аккуратенький, с прилизанными волосками, в белой рубашечке, с подленькой улыбочкой и бегающим взглядом колючих крысиных глазок. Еще ничего существенного не произошло, а мы уже ненавидим и этот дом, и этот двор, и этих людей, погрязших в своих повседневных мелочах. Но чем дальше развиваются события спектакля «В день свадьбы» В. Розова (режиссер Н. Басин, художник М. Тиунов), тем яснее становится, что этот быт — лишь старые пути, от которых постепенно освобождаются Михаил и Клава, Рита и Нюра, старик Салов, и только один Николай остается до конца привержен и своему мешанскому жизненному кредо, и своему устоявшемуся мешанскому быту.

Так снова, даже на таком, казалось бы, «камерном» драматургическом материале театр зовет нас на широкие жизненные просторы, к борьбе, к радости трудных, пусть и горьких порою, но побед.

На добром счету у владивостокского театра немало спектаклей, созданных по пьесам своих, местных авторов. «Шторы 8 баллов» Г. Халилецкого — один из них. И хотя пьеса наряду с бесспорными достоинствами имела и столь же бесспорные недостатки, коллектив смело пошел

на риск и не пожалел об этом, ибо ее героями были моряки-владивостокцы, родные и близкие тем, кто сбывчно заложен по вечерам зрительный зал театра.

И действительно, в лучших эпизодах спектакля так и кажется, будто дует со сцены крепкий соленый ветер, бьет о борт корабля крутая волна. А люди готовы идти на подвиг, на смерть даже, хотя вокруг тишина, не падают бомбы и не стреляют пушки. Но, увы, не столь уж много таких эпизодов, как темпераментно, живописно сделанная режиссером штурмовая ночь на палубе корабля, заканчивающаяся взрывом мины, как сцены в госпитале. И это не случайно, как не случайно и то, что здесь сравнительно мало актерских удач.

Ведь и другая работа театра — «Вопросов больше нет» — при всех усилениях режиссуры и актеров тоже прозвучала куда менее глубоко и ярко в силу несовершенства своей драматургической основы.

И если зритель на этом спектакле все-таки волнуется, печалится и радуется, то исключительно за счет сюжетных поворотов событий, а не глубинного постижения характеров, мыслей и чувств героев. Это тем обиднее, что еще на одном примере — в яркой, многокрасочной «Собаке на сене» — и режиссер Н. Басин, и актеры доказали, насколько доступны им в равной степени серьезная драма и искрометная комедия, эпическое полотно и психологическая пьеса, если только это настоящая, большая драматургия.

Изобретательно, остроумно, свежими, сегодняшними глазами сумел взглянуть на пьесу с многовековой сценической историей Н. Басин.

В его «Собаке на сене» острый любовный поединок Дианы и Теодоро сопровождается хор юношей и девушек, который становится то группой друзей героя, то наперсницами героини. Девушки могут быть служанками Дианы и веселыми



Сцена из спектакля «ПЕРВАЯ КОННАЯ». Фото А. БЕРТИКА

подружками Тристана, направляющегося в кабачок, а потом вместе с юношами они изображат свиту маркиза Рикардо или слуг шутовского стамбульского купца, якобы разыскивающего Теодоро.

Что же касается Дианы С. Зимы, Теодоро В. Гинзбурга и Тристана А. Присяжнюка, то это трио отличное. Свою Диану С. Зима наделяет целым калейдоскопом чисто женских чар и чисто женских недостатков. Капризная, нежная, взыбаломощная и холодная, в припадке ярости, она каждую секунду меняет свои желания, свои настроения. А за всем этим жажда простого женского счастья любить и быть любимой, жажда нежности и ласки, которых до сих пор она не видела и не испытала. Пылок, темпераментен, полон страсти и честолюбивых мечтаний красавец Теодоро В. Гинзбурга. Но, приняв вначале калприю Дианы лишь как игру, он, сам того не подозревая, оказывается в плену ее любви. И когда наступает желанная для Дианы развязка, Теодоро Гинзбурга уже любит взыбаломощную графиню не меньше, чем она его. А между ними, то разматывая, то еще больше запутывая клубок интриги, вьется вездесущий лукавый увалень Тристан Присяжнюка, неисчерпаемый на выдумки, хитрости, уловки. Так в стремительном ритме под взрывы хохота и аплодисментов зрителей мысленно к своему счастливому финалу веселые события старой испанской комедии — легко, радостно, остроумно.

Выводы? Но стоит ли их делать? Самими спектаклями наши гости доказали свое право на творческий отчет в столице, а отдельные их недостатки — лучшее подтверждение правды, что не ошибается лишь тот, кто ничего не ищет и никогда не дерзает.